

Этическое пространство текстового слова

Н.Е. Сулименко

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Осознание субъекта во всех формах его деятельности по освоению мира (включая речевую) центральной фигурой мироздания сделало актуальной для исследования не столько референтную, сколько ценностную картину мира носителей языка, одной из важнейших составляющих которой выступают этические ценности и нормы. Эти нормы бытия находят отражение и в «наивной» этике, представленной прежде всего на уровне слова в словаре, и в научной интерпретации аксиологических ценностей, и в различных иных их преломлениях, имеющих в качестве первичной текстовую форму выражения. Помимо общенаучных и собственно лингвистических предпосылок, такое изменение угла зрения на факты языка, признание интерпретационного характера семантики слова усугубляется и теми глобальными переменами, которые происходят в мировой цивилизации и в жизни страны.

Корни ценностной картины мира человека помогает понять и его биологическая природа. Так, согласно Конраду Лоренцу, человек – это «перманентно незавершенное существо, перманентно же недоадаптированное и недоструктурированное, но постоянно открытое миру, постоянно становящееся» (7, с. 26). Здесь прогнозируется и открытый, динамичный характер этических норм и ценностей, и их направленность на общую ориентацию человека в мире и его преобразование. Биологические корни знания, как и других ментальных структур, усматривают в механизмах саморегуляции и самоорганизации также психолингвисты и психологи. Без обращения к их работам трудно говорить об этическом пространстве слова и текста. Так, представляется продуктивным методологически значимое положение, выдвигаемое А.А. Залевской (4), о необходимости сочетания в изучении процессов порождения и восприятия, понимания текста деятельностного и недеятельностного подхода, эвристических установок и возможностей других современных научных теорий и прежде всего когнитивистики. Для исследования единства когнитивных и аксиологических механизмов очень важна мысль о единстве психических процессов при построении и восприятии текста (мышления, речи, памяти, воспри-

ятия), о непрерывности осознаваемого и неосознаваемого, об использовании разных видов опор, стратегий (включая и последовательную компрессию, интеграцию смысла), разных видов репрезентации знания (опора на признаки, признаки признаков в процессах глубинной предикации, на перцептивный, когнитивный, эмоционально-оценочный опыт, на одновременное переживание знания и отношения к нему, учет принципа смысловых замен – вербальных и невербальных, выводного знания). Поскольку личностный тезаурус носителя языка представляет собой единую информационную систему, совмещающую знания о мире и языковые знания, средством доступа к этой единой информационной базе может служить лексикон человека как «динамическая, самоорганизующаяся система с чисто языковыми параметрами» (4, с. 57). И если иметь в виду «двойное кодирование» содержания слова при его хранении в памяти «в виде некоего вербального кода и в форме образа» (8, с. 52), то можно не только понять, почему самые абстрактные идеи всегда имеют чувственную привязку, и толковать денотат как типовой образ предмета при характеристике структуры лексического значения, но и предположить, что образы любой модальности (слуховые, визуальные, тактильные, вкусовые) могут приобретать в тексте этический компонент значения. Применительно к системе языка подобные факты уже описаны, например, в оценке Ю.Д. Апресяном способов концептуализации эмоций в связи с идеей света и блеска (визуальных образов) или при характеристике переносных значений имен прилагательных, обозначающих признаки предметов, воспринимаемых с помощью органов чувств человека, и в других случаях. И если значение, личностные смыслы выступают единицами психики, сознания, имеющими вербальные и невербальные формы своего существования, обнаруживаемые в переходах от образного кода к вербальному и наоборот в разных видах речевой деятельности, то особый смысл приобретает анализ ассоциативных связей в лексической структуре текста, в том числе ассоциативных полей номинантов этических концептов, характеризующихся особой «пристрастностью», мотивами, установками, эмоциями говорящего, соединенными с чувственной тканью (представлениями, наглядными образами, впечатлениями). Отсюда значимость ассоциаций в механизмах психологической «сцепки» языкового и внеязыкового знания, ближайшего и дальнейшего значения слова, как и способность этических представлений субъекта оказывать влияние на его сознание в целом и трансформировать текстовые смыслы, влияя через интенциональную основу на степень глубины текстовой информации при ее порождении и восприятии на всех уровнях (содержательно-фактуальном, содержательно-концептуальном и содержательно-подтекстовом). При этом необходимым представляется различать этику в восприятии объекта текстовой информации говорящим и этику интерпретации текста адресатом при наличии и общей составляющей – необходимости самоорганизации этической сферы субъекта, «наведения» морального порядка.

Представляет интерес в этом плане анализ концептов «страсть» и «любовь» в разработке лексической темы персонажа Б. Райского в романе И.А. Гончарова «Обрыв» в сравнении с их авторской интерпретацией (2). И если вслед за В.С. Выготским и А.А. Залевской понимать значение как путь от мысли к слову (а это основа «активной» лексикологии) и видеть в значении средство выхода «на личностно переживаемую индивидуальную картину ми-

ра» (4, с. 132), добавим – и этическую тоже, то естественным кажется вывод о том, что определенные этические представления могут искажать обычные ассоциативные связи слов, подобно тому, как это происходит с аффективной окраской слов, замыкающей эти связи вокруг определенной аффективной области (8).

Можно говорить о генерализации той или иной этической установки в тексте, имея в виду под установкой «определенное досознательное состояние готовности организма к некоторому поведению» (4, с. 49), сменяющееся актом объективации с последующим возвращением к установке. Этика толерантного поведения, общения в «щадающем режиме» требует в ряде случаев разрыва связей слов по этическому компоненту в текстовом пространстве и возвращения к сближениям по денотативному макрокомпоненту, обеспечивающему непредвзятое развертывание темы. Этические аспекты реагирования на чужой текст в письменном диалогическом общении рассмотрены на лексическом материале текстов переписки газеты с читателем в (12). Интересный в этом отношении материал содержат тексты рубрики «Жизнеспособность полисубъектов» газеты «Аргументы и факты». Так, в серии диалогов под общим заглавием «Федеральная крыша» (АиФ, 2002, № 4) представлены разные способы лексической экспликации этического пространства носителей языка, элементов «наивной» этики, отражающей не столько знание о мире, сколько мнение о нем, специфичное для разных культур и этносов. Одна из этических норм – «голым на людях ходить неприлично» – актуализирована с опорой на лексическую многозначность слова, реализацию его прототипического значения (в противоположность переносному) в привычных словосочетаниях:

«Е. Примаков: "Согласились бы вы на то, чтобы вместо наших двух общественных организаций (ЗАО «Шестой телеканал» и РСПП - Ред.) присутствовали бы **голые предприниматели** – двое?"

Показывать по ТВ-6 голых предпринимателей – это, конечно, **сильный рекламный ход** (ироническая попытка переконцептуализации поступка – Н.С.). Но лично мы предпочли бы видеть **голых предпринимательниц**, не достигших возраста Евгения Максимовича».

Смена объекта на более привлекательный, на взгляд соавторов-мужчин, изменила бы ситуацию в лучшую сторону, не столь оскорбляющую этические и эстетические чувства.

Воровство как этически осуждаемое явление рисуется путем замены компонента фразеологизма как прецедентного текста, резко меняющей смысл ответной реплики:

«М. Прусак, новгородский губернатор: "Владимир Владимирович – мужик, конечно, терпеливый, но и ему когда-то надоест **тянуть воз** в одиночку".

Тем более что большинство предпочитает **тянуть с воза**».

Социальному осуждению подлежит разного рода шовинизм, порицание другого человека, социума, нации. Их экспликация в ответных репликах авторов, выведение на поверхность неосознаваемых морально-ценностных предпочтений политиков осуществляется разными приемами и лексическими средствами, одно из которых – антонимическая замена слов в речевых оценках, создающая фигуру-перевертыш и вносящая в текст ответной реплики пародийную струю, ведущую к дискредитации оппонента:

«А. Илларионов: "Они (американцы – Ред.) богатые, а когда такие богатые, им позволено быть такими, **скажем так мягко, не очень умными**".

Поневоле задумаешься: если они, **мягко говоря, не очень умные, то** почему они, **грубо выражаясь** (отметим несоотнесенность текстовых смыслов глаголов одного семантического поля – Н.С.), такие богатые?»

Другой способ преодоления штампов шовинистического сознания – использование эффекта бумеранга с актуализацией национально маркированных компонентов морфемной структуры слова:

«А. Ткачев, краснодарский губернатор: "Фамилии, оканчивающиеся на "ян", "цзе", "швили" и "оглы", – незаконны, так же как и их носители. А "ов", "ин", "их" – наоборот".

А как получилось, что носитель фамилии «ТкачЁВ» (авторами выделена графическая форма – Н.С.) не входит ни в одну категорию? Так же, как и его предшественник – КондратЕНКО».

Способом представления коррупции во властных структурах как разновидности воровства выступают текстовые номинации «федеральный рэкет» и «федеральная «крыша», выявляющие с опорой на выводные знания адресата его знание семантики жаргонных слов и смыслы предшествующей – реплики глобальную коррумпированность чиновничества снизу доверху, криминальную основу бизнеса:

«А. Кудрин: "Мы добиваемся того, чтобы местные власти не зажимали малый бизнес. Это рэкет, это так называемая проблема «крыш». Вот это тоже мы собираемся решить в рамках федеральной целевой программы. То есть программ будет как минимум две: «Федеральный рэкет» и «Федеральная крыша».

Столкновение реплик в диалогических единствах рассмотренного текста позволяет увидеть, как этический компонент семантики текстового слова (явный или скрытый) каузирует перестройку системы текстовых смыслов и выход их в комментирующей реплике на новый уровень самоорганизации во внутритекстовом лексическом пространстве, обусловленный и обуславливающий содержательно-концептуальную и подтекстовую информацию.

Таким образом, этический компонент не только осуществляет реконцептуализацию политических реалий, но и участвует в регуляции познавательной деятельности и поведения участников коммуникации, их ценностных приоритетов.

Показательна в этом отношении попытка экспликации этических основ явления глобализации в лексической структуре статьи А. Панарина «Православная цивилизация в глобальном мире» (Москва, 2001, № 10). Глобализация оправдывается в случае установления «международного консенсуса – постепенной выработки общепризнанных культурных универсалий, следование которым не сопровождается ни **нигилистическим отщепенством, ни комплексами предательства и вины**». В этом случае «глобализм представляет собой культурно насыщенную, **социально и морально упорядоченную среду**, в чем-то содержательно превосходящую прежние изолированные национальные среды». В противном случае «мы имеем дело с **промискуитетом** нового типа – неупорядоченной и неустойчивой контактностью, не сопровождающейся свойственными человеку как социальному существу **привязанностью и от-**

ветственностью. Эти пространства, выпавшие из сферы **социальной и моральной ответственности**», включающие **«отщепенцев**, которых может связывать только одна **круговая порука**, которых «трудно будет отличить от **вселенской мафии**», формируют «асоциальную среду», реализующую **«самые непредсказуемые типы поведения»**.

Этот текст, лексическая структура которого во многом сформирована сближениями слов по социально-этическому компоненту их лексических значений, показывает не только то, как коннотация, выражаясь словами Т.Г. Винокур, «сдвигает смысл», генерализуя

этическую установку, но и вскрывает содержание этой установки, объясняющее нагнетание оценочной лексики, преимущественно негативной:

«В этих **джунглях** уже не слышится **материнский** голос природы, они порождают **тоскливо-озлобленное космическое сиротство постмодернистской** личности. Не знают **современные маргиналы** и **Христа** как источника высшего **милосердия**».

В реализации авторских интенций этические коннотации получают даже те слова, которые лишены их в системе языка (постмодернистская личность, маргиналы), становясь ситуативно-речевыми синонимами. Здесь набор личностных конструктов, связанных с созданием когнитивного образа мира в сознании текстового субъекта, не вполне отражает сложность затрагиваемой содержательной области, с недостаточной силой ее дифференцирует, поэтому ценностная аргументация, прагматическая по своей природе, превалирует над аргументацией истинностной. Личностные конструкты, имплицитная картина мира субъекта (8), включающая и этические концепты, влияя на поведение человека в целом, не может не влиять и на выбор им лексических средств при текстопорождении. Этический компонент значения, предполагающий оценку явления с точки зрения определенных социально-этических норм, входя в структуру личностных конструктов как наиболее устойчивых представлений субъекта о мире, подчиняющих себе все другие, как определенной когнитивной сетки, сквозь которую видится все многообразие мира, используется для категоризации межличностных и социальных связей и может отражаться в системе текстовых антонимов. Так, в вышеприведенном тексте словам с негативными оценочными коннотациями противостоят полярные по этическому компоненту их значения (материнский, Христос, милосердие).

Ядерными компонентом этического пространства текста можно считать собственно этонимы как обозначения этических концептов, окооядерные номинации содержат этические признаки в качестве выводимых из ядерных и, наконец, периферию текстового пространства образуют номинации с потенциальными или наведенными этическими семантиками. В целом этическое пространство текста можно представить как совокупность этических концептов и стратегий пользования им, имеющих лексическую экспликацию в совокупности ключевых лексем, замыкающих на себе ассоциативные поля текста. Это пространство служит для представления ценностной картины мира субъекта как составляющей его информационного тезауруса, для выражения его знаний, мнений, установок, личностных конструктов.

По словам В.Ф. Петренко, «значение текста раскрывается только в контексте некоего ментального пространства, в рамках категоризации, присущей

субъекту, социальной общности или человечеству как совокупному культурно-историческому субъекту» (8, с. 27), поэтому позиция субъекта определяет интерпретацию знака, естественно, особой «пристрастностью» отличаются ценностные приоритеты.

Свои ориентиры в изучении этического пространства текстового слова создает анализ языков этики в рамках логического анализа языка (6). В указанной коллективной монографии описана лингвистическая метаэтикаречевая стратегия и тактика, типы речевого поведения, типы воздействия на адресата, речевого реагирования на полученный стимул, стили общения, типы речевого акта в их соотношении с этическими нормами (предостережение и менее категоричные формы общения). Опорными в анализе выступают понятия «этические референты» и «этические концепты», последние рассматриваются как социо-оценочные, регулирующие отношение человека к другому и находящиеся в психическом пространстве между сознанием и волей. К ним Н.Д. Арутюнова относит, например, страх и стыд.

Особый интерес привлекает культурологическая интерпретация этических концептов, присваиваемых субъектом текстовой деятельности и преломляемых через его систему ценностей. Компоненты общекультурного ментального пространства (совокупности значений, образов, символов, пропозиций), включающего и систему ценностных представлений, не напрямую задают отношение субъекта к реальности, а через его личностные смыслы, которые вместе с тем интериоризируют определенные установки культуры, те или иные ее национально-специфические черты. И это понятно, если учесть, что знания о мире – это прежде всего культурные знания, включающие и такие культурные концепты, связанные с общечеловеческими ценностями, как истина, добро и красота. Ключевыми словами этических и аксиологических учений В.И. Поставалова считает добродетель, благо и др., а необходимым направлением характеристики человеческой личности в аксиологическом пространстве сущее – должное – «с позиций ценностных координат добро – зло, хорошее – плохое, правильное – неправильное» (9, с. 407). Концептуальные оппозиции, моделирующие этическое пространство в наивной картине мира по типу физического (кривое – прямое, крутить и править, движение – состояние, левый – правый и т.п.) и действующие в лексике, предлагается считать проявлением глобального противопоставления «хаос – порядок». Кроме того, Й. ван Лейвен-Турновцова отмечает «гомологичность отношений между внутренней формой лексем со значением «правый» и «левый», структурой их полисемии и символикой этих категорий в культурной практике европейского ареала» (5, с. 137). Для лексиколога очень важно, что доказательства пантопических и панхронических явлений, отражающих универсальные тенденции культурных процессов, ищутся в «моделях изономии». Предметом внимания исследователей становятся и такие специфические особенности национального самосознания, создающие свои проекции в этическое пространство, как противопоставление справедливости и законности, демократии в русской языковой культуре, значимость синкретизма древнерусских концептов, идущего от библейской традиции, и роль в процессах концептуализации единства корнеслова как отражение синкретизма архаической картины мира; ориентация на православный канон, десять заповедей Моисея как первый во времени нравствен-

ный кодекс, соединивший христианские, старозаветные, новозаветные представления и синкретизма архаического мышления (3). Отмеченные особенности характеризуют и этическое пространство текста, создаваемое его лексическим структурированием.

Так, в статье О. Мандельштама «Пшеница человеческая» политика выступает как символ хаоса, разрушения, катастрофы, тогда как экономика становится символом накопления добра во всех его ипостасях. Включая добро в ассоциативное поле концепта порядок (его можно назвать суперконцептом), автор вслед за языком преодолевает в слове «добро» разрыв между верхом и низом, возвращает его к первоначальной синкрете, воскрешает этимологическую память слова: «Добро в **значении этическом** и **добро в значении хозяйственном**, то есть совокупности утварей, орудий производства, горбом тысячелетий нажитого вселенского скарба – сейчас одно и то же».

Особенности этической картины мира этноса описываются в прозе О. Мандельштама и с опорой на базовое в народной культуре противопоставление «свое – чужое», повлекшее создание окказионализма «чужелюбие»: **«Чужелюбие** вообще не входит в число наших **добродетелей**. Народы СССР сожительствуют как школьники. Они знакомы лишь по классной парте да по большой перемене, пока крошится мел» (Путешествие в Армению).

Ранее уже отмечалось, что и современные авторы ведут лексическую разработку этических концептов и норм с позиций христианских ценностей и заповедей. Это относится к разножанровым текстам, имеющим в качестве приоритетной стратегии изменить мировосприятие адресата, привлечь на свою сторону, убедить в безальтернативности православного канона. Таковы, например, тексты разделов в книге Александра Миронова под общим заглавием «Сущностное восприятие слова», вышедшей в серии «Знание о знании. Развивающее чтение» (СПб., 2000). Ряд ее разделов непосредственно посвящен этическим концептам, например, концепту «милосердие»: «Оно несет в себе только **любовь**, которая пронизывает собою ум, душу и даже сердце человека. В результате в нем нет места как **гордыне**, так и **унынию**. Наоборот, в нем царствует только твердое знание о своем полном **единении со всем миром**, в котором нет ничего **пропащего**, а есть только **радость бытия** и **созидания**. Всё же **горестное** человек **милосердный** воспринимает **смирненно** и только как неизбежное и необходимое **средство** к восхождению в **Царство Небесное**... <...> **жалость, сочувствие и сострадание** – это только последовательные этапы становления одного и того же – **милосердия**, которое, в свою очередь, уже несет в себе непреходящее качество – качество **любви**» (раздел «О милосердии, сострадании, сочувствии и жалости»). Перед нами своеобразная проповедь, выстраивающая иерархию этических концептов, выступающих опорными в организации лексической структуры текста и получающих экспликацию в словах-этонимах. В околядерное пространство в раскрытии этической темы попадают слова-ассоциаты, содержащие этических признаков в качестве дифференциального (гордыня, уныние, единение, радость, горестное, смирение, Царство Небесное, непреходящее и др.). К периферии этического пространства можно отнести абсолютно неспецифические номинации, получающие этическое звучание в общей структуре текста (ум, душа, сердце, знание, мир, бытие, созидание, средство, восхождение, этапы, становление, качество). Таким обра-

зом, этические ценности получают свое истолкование с опорой на библейские тексты и с учетом атеистического мировосприятия современника, выводя его на новую категоризацию мира, управляя его пониманием.

Сходные когнитивные стратегии использует автор и в лексической разработке другого этического концепта – грех, привлекая в качестве дополнительного аргумента и данные толковых словарей, и психологические знания носителей языка. В разделе «Что такое **грех**?» автор пишет: «В толковом словаре русского языка слово «**грех**» представлено как **нарушение религиозно-нравственных предписаний**, как предосудительный поступок, преступление. Получается, что **грех** – это **отклонение от нормы**. Впрочем, это только внешнее проявление **греха**.... <...> что же толкает человека ко **греху**? Желание снять внутреннее напряжение? Вероятно. Неверное представление о мире и себе? Тоже справедливо. Отсутствие самовладения? Бесспорно. Таким образом, **грех** – это продукт внутреннего дискомфорта, отсутствие знания и самостоятельности. Перефразируя последнее, получаем: **грех** – это внешнее проявление неодолимого внутреннего дискомфорта личности через выход ее поведения за пределы одобряемого».

В ассоциативное поле ключевого слова текста как номинации этического концепта попадают не только лексические сигналы связи его с аксиологической картиной мира, выступающие в авторской семантизации слова (ср. нарушение религиозно-нравственных предписаний, предосудительный, преступление, отклонение от нормы, выход за пределы одобряемого), но и те номинации, которые служат выражением причинных связей ключевого слова (внутреннее напряжение, внутренний дискомфорт, неверное представление о мире и себе, отсутствие самовладения, отсутствие знания и самостоятельности). Показательно, что в один ряд здесь попадают указания на разные уровни проявления психической активности субъекта (ментальную сферу, эмоциональное состояние, волевой статус и т.д.). Базовая роль концепта «грех» в национальном самосознании подтверждается и тем, что на нем замыкается толкование других ценностных понятий: «**Вина** – это осознанный **грех**, и ничего более» (раздел «Что такое вина?»), предваряемый эпиграфом: «Кто Богу не **грешен**, царю не **виноват**. В.И. Даль»; «**погрешность** является производным от слова **грех**. Получается, что **грех** и **ошибка** где-то рядом по смыслу... **ошибка** – это продукт **греховности**» (раздел «Что такое ошибка?»). Основа интерпретации – семантическая близость слов «ошибка» и «погрешность» в лексической системе языка и деривационная общность слова «погрешность» и «грех».

Еще более отчетливо связь с библейской традицией, с константами русской культуры (11) ощущается в истолковании этического концепта «смирение»: «... **смиряющий себя** начинает вдруг проникать в самую суть и природу всех людей, явлений и вещей... именно **смирение** как предпосылка и цель развития становится для человека абсолютной ценностью. Ведь именно смирение **сначала** лечит, а затем и спасает его. Поэтому-то Нагорная проповедь Иисуса Христа и открывается очень непростой фразой «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Ведь дух как личная особенность, как ни странно, закрывает путь в Царство Небесное. А вы говорите, что смирение – это уничтожение (умаление) себя. Нет и нет. **Смирение** – это **преодоление се-**

бя. Вроде бы и немного, но попробуйте сделать хотя бы шаг, и вы ощутите блаженство» (раздел «Смирение как предпосылка и цель развития»).

Полемическая струя текста поддерживается не только синтаксическими фигурами отрицания, против- и сопоставления, но и фиксацией полярных точек этического пространства, разных личностных конструктов с помощью ситуативно-речевых антонимов (смирение – уничижение, умаление), а также ситуативно-речевыми сближениями (смирение – ценность, цель развития, преодоление себя, блаженство, предпосылка развития, лечит, спасает).

Не случайно внимание лингвистов все чаще привлекает ценностная основа национальной культуры и языка (13; 1), все чаще они говорят о культурно-языковой норме, в языковой форме эксплицирующей стабильные элементы культуры (10).

Литература

1. Васильева Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 2001.
2. Гапеева Е.Л. Лексическая структура текстовых фрагментов с монологической речью персонажа (на материале романа И.А. Гончарова «Обрыв»). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.
3. Герасимова И.А. Деонтическая логика и когнитивные установки // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
5. Лейвен-Турновцова Й. ван. Панстратические и пантопические аспекты семантизации отклонений от норм в стандарте и нестандарте европейских языков // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
6. Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
7. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. М., 2000.
8. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
9. Постовалова В.И. Этическая оценка другого и самооценка в православной духовной традиции // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
10. Стемковская Ю.Е. Образ человека в чешской культуре // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
12. Суховой Е.А. Лексические средства адресации в газетном тексте переписки и читателем. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
13. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999.